

There are no translations available.

Валсамаки В.Д.

*Художник, письменник,
член Міжрегіонального Союзу письменників України,
голова Нікопольського товариства греків
м. Нікополь, Україна*

[Біографія](#)

Дождался

Стояли прохладные дни уходящего апреля пятьдесят четвертого. Уже снег неспешно сошел с увалов дальних гор, стоял с ближних прибрежных сопок, лишь кое-где на крутых склонах сиротливо бурели остатки зимних глубоких сугробов, не съеденных весенним солнцем. Уже подснежники успели отцвести, а тайга еще до конца не освободилась от холодных следов умершей зимы.

Дед Андрей, как всегда, сидел на лавочке во дворе. Совсем недавно он потерял все, ради чего жил на этом свете и чего так долго, так мучительно ждал. После смерти единственного сына от деда Андрея осталась жалкая тень. За последние несколько недель он скукожился, заметно усох телом. Глаза утратили былое сияние, а черты лица сложились в маску безразличия, какую обычно носят люди, обреченные на гибель или неожиданно раздавленные грубой силой немилосердной судьбы. Отсутствие смысла жизни всегда имеет роковое последствие, оно убийственно... Как-то не вдруг жесткие пегие усы уныло повисли над тонкими бледными губами, а черты лица обострились до неузнаваемости, обрели трагическое выражение. Высокий ростом, сутулясь, он сидел под окнами дома, и в его лице не просматривалось признаков жизни. Цвела весна, тень молодой рябины рисовала путаный узор на белой стене дома, а радость куда-то подевалась. Отсохла она, отпала, вот и все...

Дни шли своим чередом, уже зеленым бархатом покрылась тайга, и сочные травы вымахали на покосных лугах, а проклятушая тоска акульими зубами вцепилась в душу, не отпускала. Стараясь придумать себе дело, дед Андрей неловко слонялся по двору, однако неотвязные мысли о недавней беде всякому делу мешали - все из рук валилось, и тогда он становился брюзгой: мог свою Петровну огреть неучтивым словом, вслух самого себя обругать старым дурнем, даже козе Дуньке сделать строгий выговор. Огорчался сильно, а потом уходил за огороды, прятался за глухой крапивой, падал в прохладную траву лицом к земле и плакал...

«Таюсь, как сыч на задах, а мне, старому хрену, уже давно помирать пора. Хватит - покоптит небо!» - думал он без страха, но тут же понимал: здесь на земле после него будет все то же, только никогда он не возьмет колун, не наколет дров, зимой не отгребет от крыльца снег, не выйдет летним утром на своей просмоленной весельной лодчонке в море, не наловит окуней на латунную, до невероятного блеска натертую блесну, и косить росные травы не суждено - меня совсем и нигде не будет! Навсегда исчезну с планеты Земля. И сразу вдруг от таких дум отшатывалась охота помирать, и он без паники начинал отчетливо осознавать, что при всех немислимых испытаниях и своенравных поворотах неожиданностей, коварно подсовывающих несчастья, жизнь все же хороша уже потому, что она, слава, Тебе Господи, все же есть.

Почти год тому назад, в такой же свежий день дед Андрей сидел на той же лавочке под окнами родного дома, и было много света. Море оставалось неприветливо холодным, доведенным до темной синевы, там, где бледненькая лазурь неба проваливалась за край горизонта, но уже во всем явственно чувствовалось приближение короткого приморского лета с его обещанным редким теплом и лаской долгих дней, утопающих в волшебных вечерних золотых закатах. Та весна была какой-то особенно хорошей, она дарила предчувствие новизны. В душе старика вдруг проявилась нежданная, давно заблудившаяся надежда...

Всякую новую весну дед Андрей встречал с неизменной радостью, как-то слишком по-детски любил первое тепло: приходило желание отвлечься от наседающих забот, поверить во что-то хорошее. Очарование природы бодрило. Застегнув на поясе патронташ и повесив на худое плечо тульскую одностволку, обожал осторожно бродить по шумящему лесу, и лишь ближе к вечеру нехотя возвращался домой, густо увешанный битыми рябчиками. Глупая птица, вовсе не требует изощренной охотничьей хитрости. Добыча не Бог весть какая, однако, нежного мяса хватало на два-три дня, и перо вполне годилось не только на подушки - ночами пышная теплая перина, как рукой, снимала

постылую и до безобразия привычную старческую усталость.

Вот и в тот майский прозрачный полдень дед Андрей по обыкновению грелся на ласковом солнышке, любовался густой синевою неба с редкими небольшими облаками, студеным морем, сердитым вдалеке, где полосами гулял холодный вольный ветер, оглядывал слегка фиолетовые скалистые отроги Сихотэ-Алиня, наслаждался знакомым запахом близкого лиственного леса, и ему отчего-то совсем не хотелось в такой благодатный, невозможно чистый день бродить по дремучей и вечно о чем-то ропщущей тайге, по увалам морщинистых сопок, опускаться в глубокие распадки, где веками среди мохнатых орнаментов ветвей, покосившихся древних деревьев неугомонно журчат веселые таежные ручьи. Солнце торжествовало, оно владело всем грешным миром. Его небесный пронзительный свет весело лился на прохладное море, на вековую уссурийскую тайгу, покрытую в это время года первым робким зеленым бархатом невозможно очаровательной молодой весны. Во всем чувствовалось наступление извечных перемен, и казалось, трижды можно умереть, а живучие надежды не умрут никогда - они со всем миром останутся навечно.

На рейде у поселка Пристань под погрузкой стояли два парохода. Первый из них со вчерашнего дня кинул якорь, а вот второй не более часа назад прибыл с северного маршрута. Его топка еще не угасла: из трубы струился слабеющий темный дымок. Тарахтя малосильным движком, в тихую гавань, защищенную от шалых восточных ветров огромной трехгорбой скалой, вошел белый вельбот с тремя матросами на борту.

«Опять пожаловали макароны да крупы обменивать на нашенские простецкие харчи, - подумал дед Андрей. - Что ж, дело нужное... Мне самому порой страсть как хочется то квашеной капусты, то огурчиков соленых отведать из бочки, что в леднике с осени томятся, и непременно салом с чесночком это дело зажевать. А копченый окунь с отварной картошкой чем можно заменить? То-то и оно - нечем!.. Крестьянский провиант моряку в поход не дают - нет его на складах. А консервы, понятно, жутко надоедают. Не от них ли гастриты да всякие язвы плодятся?».

Вельбот заметно сбавил ход, плавно дал права руля и, при заглушенном движке, округлым носом приткнулся к пирсу вблизи от плашкоутов с широкими днищами. На его корме, покосившись, стояли большие бумажные мешки, в каких обычно хранят мучные

изделия. Двое матросов сошли на берег, один из них направился в сторону ближних домов, а второй, тот, что повыше ростом, закинув за плечо котомку на суконном ремне и прихватив черный небольшой чемоданчик, стал подниматься по тропинке к дому Пальчинского. Отворил калитку, сутуло медленным шагом вошел во двор.

- Здравствуй, отец!.. - сказал с хрипотцой. Остановился в трех шагах и смотрит как-то выжидательно, пристально. У самого лицо худое, остро выпирающие скулы обтянуты желтоватой кожей, и добрые морщины у края глаз лучатся. Приедет мужик как-то совсем не по сезону: серая телогрейка на нем и старая потертая ушанка сбита набекрень на заметно поседевшей голове с глубокими залысинами.

- Будь здоров и ты, мил человек. Что-то хочешь мне поведать, али есть дело какое?.. - спросил дед Андрей, а у самого сердце вдруг подпрыгнуло, застучало часто, часто... Глазами впился в обличье, в фигуру гостя - голос отчего-то до застывшей боли показался очень уж знакомым.

- Батя, неужто не признаешь? - гость поставил чемодан у самых ног, скинул с плеча котомку, а сам жгуче смотрит в глаза старика, не мигая.

- Ах-х-х-х! - захрипел дед Андрей, подскочил к сыну, упал в объятия, а ноги враз стали непослушными, ватными... На шее повис, сморщился лицом и затрясся всем телом...

И у Алексея слезы обильно потекли. Крепко прижав к себе отца, он целовал его в полысевшую седую голову, но ни единого слова при этом сказать уже не мог.

Дверь веранды распахнулась.

- Алешенька, сыночек, ты жив?! Ты жив?!.. - то ли спрашивая, то ли восклицая, мать, широко распахнув руки, кинулась с крылечка к сыну, и тоже - в слезы. - Дождалься!.. Живой!.. Живой!.. - только и причитала. Все другие слова от великой радости напрочь забылись...

Через час сидели за обеденным столом. Лидия Петровна в чистом передничке, в новой бледненькой розовой кофте с длинными рукавами и приколотой под воротник дешевенькой брошью, вся светилась от свалившегося долгожданного счастья. Сколько сердечных мук снесла, сколько горячих материнских слез пролила за невозможно немилосердные годы ожидания этой встречи, а радость подкараулила такой момент, когда ее приход вовсе не чуяла! Был, вроде бы, пустяшный сон - внимания не обратила. Нет, не зря, совсем не зря он привиделся нынче... Одно беспокоило: бледный вид Алеши и частое нехорошее покашливание в платочек.

В разговор двух самых дорогих людей не встревала. Она сидела рядышком с сыном и теплой ладонью ласково оглаживала его правую руку от плеча до нервных пальцев, тихо глядела на острый профиль сына, и из ее карих глаз ручьем лилась материнская любовь.

Выпили по первой рюмке крепенького чистой слезы самогона, закусили горячей картошкой со сковороды и соленой рыбой. Андрей Федорович пристально посмотрел на сына, спросил:

- Говоришь, сам Берия распорядился выпустить? Странно... На него не похоже вовсе. Людоед известный... Неужто, как хозяин подох, вегетарианцем тут же стал.
- Не меня одного отпустили. С нашей зоны в Магадан отправили двадцать пять человек. С других лагерей тоже амнистировали многих, - ответил Алеша. А мы тоже радовались тогда... в марте... Ждали... Не могло все остаться по-старому. Были разговоры, будто кое-где даже случились бунты, кровь пролилась...
- Виноват я перед тобой, сынок. Ох, как виноват!.. - вздохнул Андрей Федорович и горестно посмотрел в глаза Алексея. - Это меня должны были посадить, однако нашли лучший способ прищемить мой язык. Да, да, все именно так и было тогда... в тридцать восьмом.

Он опять налил самогон в рюмки, молча кивнул и, чокнувшись, выпил. Задержав дыхание, смешно сморщился, торопливо подхватил вилкой соленый огурец, потом отер повисшие усы, аккуратно огладил их пятерней и прицельно глянул на сына. Черные точки зрачков в упор стрельнули немым вопросом.

- Ивана Митрофановича ты, конечно, помнишь, - продолжил, обращаясь к сыну. - Мы с

ним в подполье вместе были еще с самого начала интервенции. Надежный был человек, крепкий... Я всегда ему доверял. Он в двадцать первом по доносу даже побывал в японской контрразведке, но выстоял, ни единой души не выдал... Через неделю мы ему побег устроили. Так вот, в тридцать восьмом осенью Ваню взяли... Не знаю, что из него смогли выбить чекисты, но, помнится, месяца за три до ареста сидели мы и откровенно обо всем разговаривали. Было меж нами доверие. Так вот, мы не понимали, что вокруг происходит... Как могло случиться, что лучшие кадры, верные партийцы вдруг в одночасье превратились во врагов народа? Это же своеволие, безумие во имя идеи! Почти все делегаты семнадцатого съезда истреблены, высшие руководители краев и областей, боевые командиры Красной Армии и флота арестованы и расстреляны. Я тогда сказал: не может Сталин об этом не знать. Не может! А коль знает, то без его ведома никого тронуть не посмеют.

Андрей Федорович повесил голову, невидяще уставился в пол. Трудно вздохнул и тихо, даже зловеще произнес:

- Оборотень... Он дело Ленина окончательно загубил... Мы, старые, матерые большевики, готовили революцию, мы воевали с белыми, с японцами, а нас - в расход?! Как это понимать?..
- Ивана Митрофановича действительно расстреляли?
- Не знаю, сынок, - опять вздохнул Андрей Федорович. - Сердце у него слабое было. Может, повезло - умер... От горя... Как такое можно пережить?!
- Если умер под пытками, ох, не завидую - они действительно страшные, - тихо признался Алексей. - Сердце старика, в самом деле, могло не выдержать...
- Коль он и проговорился о том нашем разговоре, не осуждаю... И все же, лучше бы меня взяли...
- Нет, отец. Это... я что-то лишнее, видимо, сболтнул, - слукавил Алексей. - Ни ты, ни Иван Митрофанович в моем деле - совсем ни при чем.
- А не врешь?
- Не вру. Так и было...
- А дальше вот что: мы с матерью загнанным зверем несколько месяцев метались. Что делать?.. А тут в газете попало на глаза имя Сашки Фадеева. Он на ту пору уж в большом фаворе был, секретарем Союза писателей числился, со Сталиным, будто, не раз встречался... Неужто не поможет, не сведет, с кем надо? Поехал в Москву. Думаю, не может он забыть меня, старого друга, которого партия направила на Дальний Восток большевистскую работу вести еще задолго до революции. И наши разговоры не мог забыть, когда в подполье работал и потом, когда в партизанском отряде вместе воевали. Москва огромная, но нашел его довольно скоро. Кабинет, конечно, большой, а вот власть, как оказалось, не столь велика. Выслушал меня - ничего не посмел пообещать. Вижу, скис лицом, только сказал: попробую что-то сделать. Поехали к нему домой. Ну, выпили изрядно, ну, поговорили... Осторожно поговорили... Изменился он, мрачным каким-то стал, жмаканным...

Андрей Федорович потер ладонями виски, снова плеснул самогон в рюмки.

- Давай за него, за Сашку выпьем. Хоть и не смог мне помочь, а мужик он все ж по всем меркам толковый, и писатель не абы какой... Слышал, у него неприятности случились из-за «Молодой гвардии». Читал эту книгу, никак не могу докумекать, что в ней не так, кому и чем не угодил?

Закусили. Лидия Петровна, облокотившись, все так же тихо сидела у края стола и неотрывно наблюдала за сыном. Ей нравилось видеть, с каким удовольствием он ел: чувствовалось, что за голодные колымские годы жутко истосковался по домашнему столу. От долгожданной радости, от выпитых стопочек взгляд сына стал заметно мягче, в нем появился живой блеск и тепло.

- А дальше-то что было? - спросил Алексей, не на шутку заинтересовавшийся рассказом отца.

- Наутро Сашка заторопился, по делам своим поехал. А я весь день по Москве шастал, купил матери шаль теплую, а тебе штиблеты из желтой кожи. Так и лежат с той поры новенькие, тебя ждут.

- Спасибо, отец! Не ожидал...

А вечером Сашка заявился. Вижу по лицу: плохи наши дела. Сели ужинать - молчит... И я не тороплю. Жду... Что надо - сам скажет.

- В ЦК был, разговаривал, - а сам рукой махнул безнадежно. - Уже на выходе встретил Берию.

Спросил, как у меня дела, что пишу. Заканчиваю, говорю, роман «Последний из Удэге».

- Как напечатаете, не забудьте подарить... А почему такой хмурый? - спрашивает.
- Лаврентий Павлович, есть у меня к вам дело.

Взял и бухнул без обиняков. Если встретились так случайно, чего уж медлить!

- Опять о ком-то из писателей пойдет речь, как всегда, заступаться будете?
- Речь пойдет о сыне старого большевика, с которым я хорошо знаком лично по партизанскому отряду и по большевистскому подполью во Владивостоке.
- Как фамилия?
- Фамилия - Пальчинский, а имя сына - Алексей.
- Пальчинский, говорите... Запомню... Сейчас ничего сказать не могу, а вам из приемной потом позвонят, время встречи назначат.
- Буду ждать, - отвечаю. На том и расстались.
- Отец, ты в Москве был в апреле тридцать девятого? - вдруг спросил Алексей.
- Да! А ты как узнал?
- Потом расскажу... Продолжай, продолжай...
- А что продолжать?.. Три дня ждали звонка. Вызвал наконец-то...

Андрей Федорович посмотрел с лукавинкой на Алексея.

- Оказывается ты, сынок, создал молодежную антинародную организацию, новую революцию, понимаешь ли, готовил. Буржуазную...
- Ох, и не говори!.. Я сам об этом узнал только там, в подвалах НКВД.
- Вот-вот! Берия Фадееву так и сказал: мол, сынок вашего друга - еще тот фрукт! Но, сколь ни упорствовал, признательные показания все же дал. И его подельники во всем покаялись.
- Было дело. Признания этим мясникам я действительно дал... Иначе - убили бы... Но неужели, Александр Александрович в такую чушь поверил?
- Нет, конечно. Хе-хе-хе! Он ему хитро ответил: «В вашем наркомате, Лаврентий Павлович, служат такие «очаровательные» и «доброжелательные» сотрудники, что любого арестанта уговорят признать любую вину. Если бы мне (упаси Бог!) довелось с

ними пообщаться, хотя бы дня два или три, без сомнения, согласился бы принять на себя роль или главы масонской ложи, или сотрудника разведки какой-нибудь внеземной цивилизации». На что он, весьма польщенный, на прощание посоветовал с инопланетянами никаких дел не иметь. А потом добавил: «У товарища Берии должность такая: товарищ Берия обязан знать все! А насчет инопланетян - очень даже интересно!.. У нас, кстати, есть некоторые достоверные сведения. Очень даже интересная информация».

Алексей усмехнулся:

- А я вообще не мог понять, что произошло? - произнес задумчиво. Однажды вдруг срочно вызывают в кабинет к начальнику лагеря. Пригласил присесть, предложил папиросу и спрашивает, давно ли знаком Пальчинский Андрей Федорович с наркомом внутренних дел.

- Может, и знаком, - отвечаю уклончиво. - Только мне не известны все его друзья и соратники - отца со многими судьба сводила. О том, что ты когда-то был в ссылке в Туруханске и даже знаком... с Ним - умолчал. Помню, ты всегда советовал о Нем крепко забыть...

- Было дело, было... Ты понимаешь, почему... Ему живые свидетели не нужны... из тех, кто доподлинно знал Его биографию. А она, ох, как отличается от учебника истории ВКП(б)!

Память Андрея Федоровича давно и тяжело хворала скорбью по невинным жертвам сталинского террора, среди которых было немало его добрых друзей, замученных и опозоренных.

- Ну, так вот, - продолжил Алексей, - сидит этот начальник весь вспаренный, смотрит на меня и вижу - страдает, разгадывает что-то... А наутро - Божья милость опустилась с небес на мою голову: послали санитаром работать в лазарет лагерный. На тяжелых работах, пожалуй, как и многие, долго не смог бы протянуть. Года два-три - не более. Мор был ужасный...

- Вот видишь, мать, - радостно обернулся к жене Андрей Федорович, - значит, не зря в Москву тогда смотался! Начальство лагерное, свои задницы спасая, к друзьям-товарищам Берии из осторожности меня причислили, Алешку на всякий случай на легкий труд перевели... Но на этом чудеса нет, не закончились! - оглядел победно сына и жену. - Как вернулся из Москвы, скульптора ко мне на дом прислали. Говорит, задание получил для экспозиции краеведческого музея вылепить с натуры бюст самого старейшего большевика Приморья, да еще и героя гражданской войны, и бесстрашного

подпольщика. Во, как - и не меньше!.. Сына - на Колыму, папашу - в музей... Знаю я эти иезуитские штучки! Хе-хе-хе! Калигула тоже не сразу убивал свою жертву. Вначале предпочитал приласкать, возвеличить... Померекали мы с матерью, а как лето пришло, тихо сели на пароход и дали деру от Владивостока подальше... в этот медвежий угол. Здесь ушей поменьше. У меня язык - сам знаешь, правду любит с перчиком...

С той поры прошло меньше года. Алексей умер. Туберкулез, которым он по закону подлой неизбежности, заразился в лагерном лазарете, медленно, но верно высасывал силы. Чахоточный кашель все чаще забивал дыхание, нездоровый румянец покрывал бледные скулы. Каждый день он сам отстирывал белые платочки с бурыми пятнами крови. Отец и мать молча переглядывались меж собой и горестно вздыхали. Им было невыносимо тяжело видеть гибель единственного сына, которого никакие лекарства уже не могли спасти. Что бы как-то себя занять делом, Алексей целыми днями вырезал лобзиком из березовой фанеры мелкие детали для будущей композиции, инкрустировал их сплющенной соломкой, терпеливо наклеивая на эти детали, потом собирал все воедино, и получилась красавица - Спасская башня московского кремля со всеми ее мелкими архитектурными элементами и частью крепостной стены. Закрепленное на планшете, такое сооружение впечатляло тонкостью отделки и сказочной красотой русской древности. А еще Алексей успел сделать наборные пластиковые ручки к ножам и вилкам, вытравил кислотой на медных пластинах несколько богатых орнаментальных панно, вставил их в рамы и повесил на стене комнаты. Незадолго до смерти украсил такими же металлическими вставками отцовское старенькое ружье, обновил пошарканный приклад, покрыл его на несколько слоев лаком янтарного блеска, и дробовик самым чудесным образом на глазах преобразился, хоть в музей неси...

Во всей этой печальной истории было лишь одно светлое пятнышко: вскоре после возвращения с Колымы Алексей сдружился с хорошей девушкой - Валей Гиренко. Уже через пару месяцев они расписались, и теперь старики ждали скорого рождения внука или внучки. Своего главного творения Алексею теперь не суждено увидеть. Не успел, не дожил...

Целыми днями дед Андрей сидел под окнами своего дома на той же лавочке, где год назад не сразу признал родного сына. Весенние майские вечера все еще коротки. К закату из-за моря напозлали перистые тучки, длинные, гнутые; перед сумерками затихали неумолчные песни жаворонков, весь день безмятежно заливавших высоко над головой. В тот час, когда усмирится ветерок и медовый запах зацветающих трав низко стелется над землей, дед Андрей со своей Петровной и с Валей всякий раз ходили

на недалекое маленькое кладбище. Там, среди невысоких белоногих берез, устремивших тонкие трепещущие верхушки к небу, в самой крайней могилке находился последний приют Алеши. Обычно шли молча, неспешно, прислушиваясь к голосам молодого вечера, и каждый думал о своем... «И завтра предстоит тянуть стариковский день, и послезавтра... Сколько можно?.. А зачем? Пора, пора уходить...», - огорчился дед Андрей, и придумывал себе новые дела на утро, чтоб избавиться от сосущей под горлом тоски.

Рядом со стариками по заросшей дороге осторожным шагом ступала Валентина, неся заметно округлившийся, вздернутый к груди живот. Выражение тихих серых глаз было покорным, кротким. Она иногда сворачивала с заросшей дороги, рвала у обочин свежие полевые цветы, чтоб положить их на могильный холмик в изголовье. Алеша такие цветы любил - истосковался по ним там, на севере диком. Бывало, в прошлое лето пойдет на ближний луг, упадет в желтоглазые ромашки или в цветущий запашистый клевер, лыбится и жизни радуется. Соскучившись по лесу, по заросшим орешником откосам сопки, бродить уходил без ружья; говорил, чтобы птичек послушать, ружье при себе иметь не обязательно. Не потому ли старики заметили, что всякий раз на могильном кресте сидела махонькая серая пичуга и пела, и пела самозабвенно...

- Это душа Алешеньки в птичку переселилась, - прошептала Лидия Петровна. - Не будем ей мешать...

Они останавливались за много шагов и с трепетом слушали вдохновенное исполнение лесной арии. Вместе радовались божьей птичке, а у самих невольно слезы накали... И лишь когда певунья улетала, тихо подходили к могиле. Валюша тяжело вздыхала и всякий раз прижимала к уголкам глаз краешек черной косынки... И сына жалко, и на невестку невыносимо больно смотреть. Как ее молодая жизнь сложится? Не успела счастьем порадоваться, а тут и распроклятую вдовью долю познала...

А в конце лета родился внук. Крупный богатырь пришел в этот мир, почти в четыре кило весом. Счастливая Валентина принесла его из роддома в голубеньком одеяльце и первым делом к бабушке с бабушкой наведлась. Развязала синюю широкую ленточку, какую обычно школьницам в косу вплетают да банты вяжут, раскинула уголки одеяльца и - вот он, на белых пеленках красавец голосистый!.. Розовыми ножками туда-сюда живо

сучит, малюсенький кулачок слюнявит, мутно-серыми глазками несмысленно водит вокруг и забавные гримасы при этом на личике корчит. Да еще что-то гугукает на своем, одному ему понятном, языке...

Сердце у деда Андрея при виде такого чуда подпрыгнуло, от великого счастья вверх покатилося, и глаза вмиг наполнились влагой и добротой.

- Родненький ты мой, ах, как долго я тебя ждал! - выдохнул с дрожью в голосе. - Значит, не зря ждал. Не зря!.. Теперь мой род не переведется, фамилия Пальчинского целехонькой останется. Вот и славненько, вот и правильно!.. Теперь и помирать спокойно можно.

- Я те помру, симулянт старый! - Петровна не на шутку разъярилась и крепко долбанула деда Андрея кулачком по спине. - У тебя первый внук родился, сейчас только и надо начинать жить. А кто ему отца заменит, ты подумал? Кто водиться будет, кто воспитывать?.. Ребенку не только мать, ему рядом мужик необходим. Ты понял?.. Умирать, видишь ли, собрался... Пока парень в школу не пойдет, даже не заикайся - пришибу!..

.

.

Джерело: <http://www.proza.ru>

На нашому сайті Ви маєте змогу ознайомитися з творами письменників та поетів Нікопольщини:

- [Нікополь літературний](#)

[У разі використання матеріалів цього сайту активне посилання на сайт обов'язкове](#)